

МАРК ЛЕВИ

Семь дней творения

Марк Леви

Семь дней творения

«Азбука-Аттикус»

2003

УДК 821.133.1-3Леви
ББК 84(4Фра)-44

Леви М.

Семь дней творения / М. Леви — «Азбука-Аттикус», 2003

ISBN 978-5-389-03824-0

Чтобы положить конец бесконечной войне Добра и Зла, Бог и Дьявол посылают на Землю двух своих лучших агентов. У них всего семь дней, чтобы одолеть врага. Семь дней, чтобы доказать противнику, что на Земле ему больше нет места. Об одном Господь и Люцифер не подумали: София и Лукас встретятся, и тогда мир перевернется...

УДК 821.133.1-3Леви
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-03824-0

© Леви М., 2003
© Азбука-Аттикус, 2003

Содержание

День первый	7
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Марк Леви

Семь дней творения

Marc Levy

Sept jours pour une éternité

www.marcl Levy.info

© Éditions Robert Laffont / Susanna Lea Associates, 2003

© Кабалкин А., перевод на русский язык, 2004

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2017

Издательство Иностранка®

Книги одного из самых популярных французских писателей Марка Леви переведены на сорок один язык и расходятся многомиллионными тиражами.

*Случай – это обличье, которое принимает Бог,
чтобы остаться инкогнито.*

Жан Кокто

Посещается Манин и Луи

*В начале сотворил Бог небо и землю.
И был вечер, и было утро:*

День первый

Лежа на кровати, Лукас посмотрел на отчаянно мигающий диод пейджера. Он закрыл книгу и положил ее рядом. Книга доставила ему удовольствие. В третий раз за двое суток он перечитывал эту историю. Как ни напрягал он свою дьявольски цепкую память, никак не мог припомнить другого случая, когда чтение доставило бы ему такое удовольствие.

Он ласково провел пальцем по обложке. Этот Хилтон скоро станет его любимым писателем! Лукас снова взял книгу, радуясь, что неведомый постоялец забыл ее в ящике ночного столика в номере отеля, и уверенным жестом бросил ее в распахнутый чемодан, стоявший в дальнем углу. Взглянул на настольные часы, потянулся и встал с кровати. «Встань и иди!» – воскликнул он весело. Смотрясь в зеркало шкафа, затянул узел галстука, поправил черный пиджак, взял со столика рядом с телевизором черные очки и положил их в нагрудный карман. Пейджер, висевший на ремне, безостановочно вибрировал. Он захлопнул ногой дверцу шкафа, подошел к окну, отодвинул тяжелую серую штору и выглянул во внутренний двор. Ветра не было, и смог повис над Нижним Манхэттеном, простираясь до самого TriBeCa¹. День выдался знойный. Лукас обожал солнце, хотя кто, как не он, знал всю тяжесть причиняемого им вреда? Не множит ли оно на иссушенной земле микробы и бактерии, не косит ли все живое беспощадней самой смерти, отделяя слабых от сильных? «И стал свет!» – промурлыкал он, потом взял телефонную трубку и попросил портье приготовить ему счет: пришла пора прощаться с Нью-Йорком.

Выйдя из номера, пошел по коридору, открыл дверь, выходившую на запасную лестницу.

Во дворике достал из чемодана книгу, а сам чемодан отправил в большой мусорный бак, после чего зашагал по узкой улице належке.

На одной из улочек Сохо с потрескавшейся мостовой Лукас высмотрел взглядом знатока чугунный балкончик на третьем этаже, державшийся лишь на двух ржавых заклепках. На балконе стоял шезлонг, в котором нежилась молодая манекенщица с чересчур пышной грудью, до наглости гладким животом и пухлыми губами. Она ни о чем не подозревала и наслаждалась жизнью. Пройдет несколько минут (если его не обманывало зрение, а оно его никогда не обманывало) – заклепки не выдержат, красotka пролетит три этажа и разобьется вдребезги. Кровь потечет струйкой у нее из уха в трещину на мостовой, подчеркивая ужас на мертвом лице. Потом это миловидное личико начнет разлагаться в сосновом ящике, куда родня ее законопатит, придавив сверху мраморной плитой, окропленной потоками бесполезных слез. Сущая безделица, всего лишь повод для четырех корявых строчек в местной газетенке и разорительного иска управляющему домом... Служащий мэрии, отвечающий за техническое состояние жилья, потеряет место (как же без виноватого!), после чего кто-нибудь из его начальников замнет дело, заключив, что несчастный случай вырос бы в драму, окажись под балкончиком прохожие. Есть все-таки на свете Бог! Собственно, в этом и заключалась для Лукаса настоящая проблема.

День начался бы превосходно, если бы в глубине прелестной квартирки не зазвонил телефон и эта идиотка не оставила трубку в ванной и теперь не потащилась бы за ней туда... «Любой плохонький компьютер умнее манекенщицы», – разочарованно подумал Лукас.

Он стиснул зубы, так что челюсти лязгнули. Такой же лязг издавал мусоровоз, громыхавший по улице и сотрясавший дома поблизости. Хруст – и от стены отделилась и с треском обрушилась на тротуар металлическая лестница. В окне нижнего этажа отлетевшей железкой выбило стекло. Ржавые брусья – эти рассадники бацилл столбняка – покатались во все сто-

¹ Район на юге Манхэттена.

роны. Взгляд Лукаса снова загорелся, когда из-под крыши стремительно полетела вниз остроконечная стальная балка. Если его расчет подтвердится, как всегда бывало, то ничего еще не потеряно. Он вышел на мостовую, вынуждая водителя мусоровоза притормозить. Балка пробила крышу кабины и вонзилась водителю в грудь, огромную машину резко занесло. Оба мусорщика на задней платформе не успели даже пикнуть: одного поглотила прожорливая пасть кузова, где его тут же смолотили в кашу неумолимые механические челюсти. Другого швырнуло на тротуар, где его зацепила за ногу и потащила за собой задняя ось мусоровоза.

«Додж» подбросило в воздух, голые электрические провода очутились в водосточном желобе. Фонтан искр – и целый жилой квартал оказался жертвой замыкания. Глазницы всех светофоров в округе стали черными, как костюм Лукаса. С перекрестков, брошенных на произвол судьбы, уже доносились звуки первых столкновений. На пересечении Кросби-стрит и Спринг-стрит неминуемо должны были врезаться друг в друга обезумевший мусоровоз и желтое такси. Последнее получило бортовой удар и врезалось в витрину магазина при Музее современного искусства. «Новый витринный экспонат», – пробормотал Лукас. Грузовик зацепил передней осью автомобиль у тротуара, и тот устоял на слепых фарах в небо. Тяжелый кузов с душераздирающим скрежетом рвущегося металла сорвался со станины и перевернулся, груды обломков вывалились из его чрева и покрыли мостовую тошнотворным месивом.

Грохот кошмарной развязки сменился мертвой тишиной. Солнце продолжало равнодушно подниматься, а его лучи уже насыщали атмосферу зловонием и заразой.

Лукас поправил воротник рубашки; он панически боялся, как бы кончики воротника не вылезли из-под лацканов. Он с удовольствием озирался на окружавший его кошмар. Часы показывали всего девять утра, и начало дня можно было считать удачным.

Водитель такси уперся головой в руль, долгий пронзительный визг клаксона сливался с гудками буксиров в нью-йоркском порту. Чуждое место в это ясное воскресное утро поздней осени. Лукас направлялся туда, чтобы перенестись на вертолете в аэропорт Ла-Гардиа. Его самолет вылетал через час десять минут.

На пристани № 80 торгового порта Сан-Франциско было пусто. София медленно положила телефон и вышла из машины. Прищурив на солнце глаза, она посмотрела на пирс напротив. Там, у гигантских контейнеров, сустились люди. Крановщики, вознесенные в своих кабинках на огромную высоту, виртуозно управляли тонкими узорчатыми стрелами с грузами для судна, готовившегося к отплытию в Китай. София вздохнула. Даже при желании она не могла все сделать одна. Обладая множеством способностей, она не была вездесущей.

Мост «Золотые Ворота» уже окутывал туман, в просветах облаков, постепенно затягивающих залив, виднелись лишь верхушки мостовых опор. Еще немного – и работы в порту придется приостановить из-за плохой видимости. У Софии, неотразимой в форме инспектора безопасности, почти не оставалось времени, чтобы убедить бригадиров, членов профсоюза, скомандовать отбой работающим сдельно докерам. Если бы она умела сердиться! Человеческая жизнь несравненно дороже нескольких торопливо погруженных контейнеров, но люди меняются медленно, поэтому-то она здесь и трудится.

София любила атмосферу доков, где у нее всегда было много дел. В тени старых пакгаузов скапливались все беды на свете. Здесь искали убежища бездомные, прятавшиеся от осенних дождей, от ледяных тихоокеанских ветров, обрушивающихся на город с наступлением зимы, и от полицейских патрулей, избегающих соваться в этот враждебный мир в любое время года.

– Манча, остановите их!

Кряжистый мужчина сделал вид, что не слышит, и, прижимая к животу большой блокнот, записал в него номер очередного взмывшего в небо контейнера.

– Не вынуждайте меня составлять протокол, Манча! Возьмите рацию и прикажите немедленно остановить работы! – не унималась София. – Видимость уже меньше восьми метров. Сами знаете, когда она становится меньше десяти метров, вы обязаны дать сигнал свистком на прекращение работ.

Бригадир Манча подписал страницу, отдал ее молодому табельщику и жестом приказал ему удалиться.

– Не стойте под стрелой! Вдруг сорвется? Падающий груз не разбирает, на кого грохнуться.

– Ничего, не сорвется. Вы меня слышали, Манча?

– Что у меня, лазер в глазу? – проворчал бригадир, щипля себя за ухо.

– Ваша недобросовестность хуже любого дальномера! Не пытайтесь выиграть время. Немедленно прекратите работы и закройте порт пока не поздно!

– Вы работаете здесь четыре месяца, и никогда еще производительность не падала так сильно. Вы сами будете кормить семьи моих товарищей в конце недели?

К зоне погрузки подъехал трактор. Водитель почти ничего не видел и чуть не врезался в тягач.

– Проваливайте отсюда, детка, сами видите, вы мешаете!

– Мешаю не я, мешает туман. Придется вам расплатиться с докерами другим способом. Уверена, их дети предпочитают увидеть отцов сегодня вечером, а не получить от профсоюза страховку за их гибель. Пошевеливайтесь, Манча, еще две минуты – и я выпишу вам повестку в суд и сама дам свидетельские показания.

Бригадир посмотрел на Софию и сплюнул в воду.

– Кругов на воде и то не разглядеть!

Манча пожал плечами, взял рацию и нехотя распорядился прекратить все работы. Через несколько секунд прозвучало четыре гудка, разом остановивших бурную деятельность кранов, грузоподъемников, погрузчиков, отвальщиков и всей остальной техники, работавшей на пирсе и на борту грузовых судов. Портовым гудкам издала ответил туманный горн буксира.

– Из-за простоев порт в конце концов закроется.

– Я не отвечаю за хорошую погоду и дожди, Манча. Мой долг – спасти ваших людей от самоубийства. Не смотрите на меня как на врага! Терпеть не могу перебранок. Лучше я угощу вас кофе и яичницей. Идемте!

– Можете сколько угодно упрекать меня своим ангельским взором. Учтите, как только видимость достигнет десяти метров, я возобновлю работы.

– Сначала попробуйте прочесть название на носу корабля! Идем?

«Рыбацкая закусовая», лучшая в порту, уже была битком набита. В туманные дни докеры толпились здесь, надеясь, что погода вот-вот прояснится и день не пропадет даром. Пожилые сидели за столиками в глубине зала, молодые стояли у стойки, грызли ногти и пытались разглядеть в окно корабельный нос или стрелу бортового крана – первые признаки ясности. Болтали о всякой чепухе, при этом каждый втайне истово молился о везении. Для разнорабочих, вкалывающих день и ночь и никогда не жалующихся на ржавчину и соль, проевших насквозь их суставы, для всех этих тружеников с бесчувственными мозолистыми ладонями не было ничего хуже, чем вернуться домой всего с несколькими долларами гарантированной профсоюзной получки в кармане.

В закусовой было оглушительно шумно: звенела посуда, из кофейной машины вырывался пар, в стаканах позвякивали кубики льда. Докеры теснились группами по шесть человек на скамейках, обтянутых красным дерматином, и почти не пытались перекричать общий гвалт.

Матильда, официантка со стрижкой под Одри Хепберн, хрупкая женщина в клетчатой парусиновой блузке, несет поднос, так тесно уставленный бутылками, что ее умение сохранять равновесие кажется чудом. С торчащим из кармана передника блокнотиком для заказов она курсирует между кухней и стойкой, между баром и столиками, между залом и кассой. В такие туманные дни она носится как угорелая, но все равно предпочитает эту суматоху одиночеству при ясном небе. Она не скупится на улыбки, умеет состроить глазки и хлестко отбрызнуть нахала – вот ее способы поднять настроение посетителям. Дверь открывается, Матильда оборачивается и улыбается: она хорошо знакома с вошедшей посетительницей.

– София! Пятый столик! Поторопись, я уже собиралась за него сесть, иначе ты бы его не получила. Сейчас принесу кофе.

София садится за столик вместе с ворчливым бригадиром.

– Пять лет им твержу: установите наконец вольфрамовые светильники, так мы получим лишние двадцать рабочих дней в году. А нормы эти дурацкие: мои парни умеют работать при видимости в пять метров, они же сплошь профессионалы!

– Бросьте, Манча, у вас тридцать семь процентов новичков!

– Новички для того и приходят, чтобы учиться! Наше ремесло передается от отца к сыну, здесь никто не играет чужими жизнями. Докерскую карточку во все времена надо было заслужить.

Физиономия Манчи смягчается, когда Матильда прерывает их. Она приносит заказ, гордая своим проворством, достигнутым долгой тренировкой.

– Ваша яичница с беконом, Манча. Ты, София, наверное, не будешь есть, как всегда. Я все равно принесла тебе кофе с молоком, без пенки, хотя ты и его не станешь пить. Хлеб, кетчуп – все что полагается!

Манча благодарит ее с набитым ртом. Матильда неуверенно спрашивает, свободна ли София вечером. София обещает заехать за ней в конце смены. Официантка с облегчением исчезает в густеющей с каждой минутой толпе посетителей. Из глубины закуской проталкивается к выходу видный мужчина. У их столика он задерживается, чтобы поприветствовать бригадира. Манча вытирает рот и встает для рукопожатия.

– Что ты тут делаешь?

– То же, что и ты: заглянул на огонек к лучшей яичнице в городе.

– Ты знаком с нашим инспектором по безопасности лейтенантом Софией?

– Мы еще не имели удовольствия познакомиться, – прерывает Манчу София, поднимаясь.

– Тогда представляю вам своего старого друга, – говорит тот. – Инспектор Джордж Пильгес из полиции Сан-Франциско.

Она радостно протянула руку детективу. Тот смерил ее удивленным взглядом. На поясе у Софии ожил пейджер.

– Кажется, вас вызывают, – заметил Пильгес.

София посмотрела на приборчик, висевший у нее на талии. Над цифрой 7 настойчиво мигал светодиод.

– У вас доходит до семи? Видать, ответственная у вас работенка! У нас выше четверки не бывает.

– Этот диод загорелся впервые, – смущенно ответила она. – Извините, мне придется вас оставить.

Она попрощалась с обоими, помахала Матильде, не заметившей ее в суматохе, и сквозь толпу ринулась к выходу.

Бригадир успел крикнуть ей вдогонку из-за столика, где инспектор Пильгес уже успел занять ее место:

– Не гоните слишком быстро, при видимости меньше десяти метров движение транспорта на пристанях запрещено!

Но София не услышала предостережения: подняв воротник кожаной куртки, чтобы защитить от ветра затылок, она бежала к своей машине. Захлопнув дверцу, повернула ключ зажигания. Двигатель завелся с пол-оборота. Служебный «форд» с завывающей сиреной понесся вдоль доков. Со стороны казалось, что водительницу совершенно не тревожит стремительно сгущающийся туман. Она ловко лавировала между опор кранов, огибала контейнеры и замершие механизмы. За считанные минуты она домчалась до границы торгового порта. У контрольного пункта притормозила, хотя в такую погоду путь должен быть свободен. Красно-белый шлагбаум был поднят. Охранник 80-й пристани вышел из будки, но из-за тумана ничего не увидел: собственную вытянутую руку и то трудно было разглядеть. София поехала по Третьей стрит вдоль портовой зоны. После Китайской гавани Третья стрит устремлялась к центру города. София уверенно маневрировала по пустынным улицам. Пейджер снова подал голос.

– Я делаю все что могу! – возмутилась она вслух. – Крыльев у меня нет, а скорость ограничена!

Едва она произнесла эту фразу, как завесу тумана пронзила яркая вспышка. От могучего громового раската задрожали окна. София прибавила скорость, стрелка спидометра поползла вправо. Перед Маркет-стрит она затормозила: сигналы светофора невозможно было различить. Дальше путь ее лежал по Кирни-стрит. От места назначения ее отделяло восемь кварталов, вернее, девять, если соблюдать одностороннее движение, которое она не собиралась нарушать.

На ослепших улицах шумел ливень, стоявший стеною; стук воды по ветровому стеклу оглушал, «дворники» не справлялись со своей задачей. Из густой черной тучи, окутавшей город, торчал лишь кончик величественной пирамиды «Трансамерика билдинг».

Развалившись в кресле салона первого класса, Лукас любовался в иллюминатор этим дьявольским зрелищем не без примеси божественной красоты. «Боинг-767» кружил над заливом Сан-Франциско, дожидаясь маловероятного разрешения на посадку. Лукас нетерпеливо постукивал пальцем по пейджеру на ремне. Диод номер 7 безостановочно мигал. Стюардесса подошла к нему и попросила выключить прибор и поднять спинку кресла: самолет шел на посадку.

– Оставьте меня в покое, мадемуазель! Лучше посадите наконец этот гнусный самолет, я тороплюсь.

В динамиках раздался голос командира корабля: невзирая на сложность метеорологических условий на земле, они вынуждены сесть, так как топливо на исходе. Просьба к экипажу занять свои места; старшая бортпроводница приглашается в кабину пилотов. Самообладание стюардессы в салоне первого класса было достойно «Оскара»: ни одна актриса на свете не сумела бы в такую минуту изобразить улыбку Чарли Брауна. Пожилая пассажирка, соседка Лукаса, потеряв самообладание, крепко схватила его за руку. Лукаса позабавила влажность ее ладони, ее нервная дрожь. Фюзеляж сотрясали все более сильные толчки. Казалось, металл страдает так же сильно, как пассажиры. В иллюминатор было видно, как отчаянно трясутся крылья лайнера – наверное, это был максимум вибрации, предусмотренный конструкторами «боинга».

– Почему они вызвали к себе старшую бортпроводницу? – спросила пожилая дама чуть не плача.

– Командиру корабля захотелось кофейку! – откликнулся сияющий Лукас. – Что, струхнули?

– Это еще мягко сказано... Я буду молиться за наше спасение.

– Прекратите немедленно! Вам привалило счастье, вот и пользуйтесь: волнение полезно для здоровья! Адреналин все побеждает на своем пути. Это жидкое очистительное средство для кровеносной системы заставляет как следует работать ваше сердце. Ваш выигрыш – два лишних года жизни! Двадцать четыре месяца бесплатной подписки – это всегда неплохо. Хотя, глядя на вас, не скажешь, что вас это радует.

Во рту у пассажирки пересохло, она не могла вымолвить ни слова, только вытерла тыльной стороной ладони пот со лба. Сердце билось как бешеное; ей стало трудно дышать, перед глазами запрыгали ослепительные искры. Лукас весело похлопал ее по колену:

– Хорошенько зажмурьтесь и сосредоточьтесь – глядишь, вам явится Большая Медведица!

Он расхохотался. Его соседка потеряла сознание, ее голова упала на подлокотник. Превозмогая жуткую тряску, стюардесса покинула свое кресло и подошла к ней, хватаясь за багажные полки. Извлекла из кармана фартука пузырек с нюхательной солью, отвинтила крышечку и сунула пузырек бедной старушке под нос. Лукас наблюдал за ней и все больше веселился.

– Между прочим, ее можно понять: ваш пилот позволяет себе черт знает что. Прямо какие-то «русские горки». Скажите, между нами, конечно, это ваше снадобье, которым вы оживляете бабую, действует по принципу «клин клином вышибают»?

И он не удержался от нового приступа хохота. Старшая бортпроводница смотрела на него возмущенно: по ее мнению, в ситуации нет ничего забавного, о чем она ему и сообщила. Тут самолет провалился в глубокую воздушную яму, и стюардесса отлетела к двери пилотской кабины. Лукас проводил ее широкой улыбкой и отвесил соседке звонкую пощечину. Та подпрыгнула и открыла глаза.

– Она снова с нами! Сколько миль вы успели преодолеть в забытьи? – Наклонившись к ее уху, он добавил шепотом: – Не вздумайте стыдиться! Лучше посмотрите вокруг: они молятся, вот чудачки!

Несчастная не успела ответить. Под оглушительный рев моторов самолет коснулся посадочной полосы. Пилот переключил двигатели в режим торможения, и фюзеляж окатило тоннами воды. Наконец лайнер замер. Одни пассажиры аплодировали своим спасителям-летчикам, другие, молитвенно сложив руки, благодарили Бога за то, что выжили. Лукас возмущенно расстегнул ремень безопасности, закатил глаза, взглянул на часы и поспешил к передней двери.

Ливень усилился. София остановила «форд» у тротуара под башней и опустила противосолнечный щиток, на котором оказалась маленькая эмблема с буквами *CIA*. Выскочив под дождь, она поискала в кармане мелочь и бросила единственную нашаренную монетку в парковочный автомат. Потом бегом пересекла открытую эспланаду, пробежала мимо трех вращающихся дверей, ведущих в главный вестибюль величественного пирамидального сооружения, которое она торопливо огибала под дождем. Пейджер у нее на талии снова завибрировал, она на бегу подняла глаза к прохуdivшимся небесам.

– Мне очень жаль, но мокрый мрамор такой скользкий! Все это знают, одни архитекторы не в курсе...

На последнем этаже башни часто шутили: разница между архитекторами и Богом состоит в том, что Бог не мнит себя архитектором...

Наконец она увидела на стене здания панель, более светлую, чем другие. Стоило ей приложить к ней ладонь, как панель отъехала в глубь фасада. София вошла, и люк тотчас же вернулся на прежнее место.

Лукас вышел из такси и уверенным шагом двинулся по той же паперти, по которой только что скользила София. На противоположной стороне той же самой башни он тоже приложил ладонь к камню. Панель, отличавшаяся от окружающих панелей более темным тоном, отъехала, и он проник в западное крыло «Трансамерика билдинг».

София легко ориентировалась в темном коридоре. Семь поворотов – и она очутилась в просторном зале из белого гранита с тремя лифтами. Высота зала была головокружительной. Девять огромных сфер, все разного размера, подвешенные на тросах, неведомо за что зацепленных, заливали зал опаловым светом.

При каждом посещении Агентства София испытывала сильное удивление – уж слишком там все было необычно. Она поздоровалась с привратником, привставшим за конторкой:

– Здравствуйте, Петр. Как поживаете?

Она искренне симпатизировала тому, кто охранял вход в центральный офис. Всякий раз, проходя через эти желанные двери, вы неизменно с ним сталкивались. Не ему ли все были обязаны умиротворяющей обстановкой в этих замковых вратах, несмотря на напряженное движение? Даже в самые оживленные дни, когда сюда устремлялись сотни посетителей, Петр, он же Зее, никогда не допускал беспорядка и сутолоки. Штаб-квартира *CIA* была бы совсем иной, не будь здесь этого выдержанного, внимательного существа.

– В последнее время без работы не сижу, – ответил ей Петр. – Может, хотите переодеться? Где-то у меня был ключ от раздевалки, погодите, сейчас поищу...

Он стал рыться в ящиках, бормоча:

– Пойди-найди в такой свалке! Куда же я их задевал?..

– Нет времени, Зее! – С этими словами София торопливо миновала турникет контроля безопасности.

Стеклянная дверь распахнулась, София шагнула к лифту слева. Петр окликнул ее и указал на скоростную кабину посередине, возносившую пассажира сразу на последний этаж.

– Вы уверены?

Петр кивнул. Двери лифта открылись, между гранитными стенами зала заметался звон колокольчика. София несколько секунд не могла заставить себя ступить в кабину.

– Поторопитесь. Желаю удачи! – напутствовал ее страж с ласковой улыбкой.

В старом грузовом лифте в противоположном крыле башни шипел и мигал неоновый светильник. Лукас поправил галстук, разгладил лацканы пиджака. Решетки лифта разъехались.

Его встретил человек в таком же костюме. Он молча, сухим жестом указал на сетчатые кресла для посетителей и снова уселся за свой стол. Сторожевой пес, с виду настоящий злобный цербер, дремавший на цепи у ног дежурного, приподнял одно веко, облизнулся и закрыл глаз. На черном ковре остался клочок пены.

Секретарша предложила Софии отдохнуть на глубоком диване, полистать журналы, разложенные на низком столике. Прежде чем вернуться на свое место, она заверила посетительницу, что за ней сейчас придут.

В ту же минуту Лукас закрыл журнал и посмотрел на часы. Был уже почти полдень. Он расстегнул браслет и надел часы циферблатом вниз, чтобы не забыть перевести их после ухода. Иногда в «Бюро» время останавливалось, а Лукас терпеть не мог непунктуальности.

София узнала Михаила, как только он появился в дальнем конце коридора. Ее лицо засияло от радости. Всегда немного всклокоченная седоватая шевелюра, широкая кость, благодаря чему казалось, что он занимает больше места, неотразимый шотландский акцент (говорили, что он позаимствовал этот говор у своего любимого сэра Шона Коннери) – все это придавало ему совершенно особый облик и оригинальную элегантность. София обожала манеру своего шефа произносить звук «с» с пришепетыванием, еще больше – ямочку у него на подбородке, появлявшуюся вместе с улыбкой. С самого ее появления в Агентстве Михаил был ее наставником и идеальным образцом для подражания. Он сопровождал каждый ее шаг по иерархической лестнице и очень старался, чтобы в ее личном деле не появилось ничего дурного. Терпеливый, внимательный до самозабвения, он умел выявить в подопечной ее лучшие свойства. С его несравненным великодушием, уместностью каждого жеста, тем более поступка, душевным пылом и искренностью он умел умирять Софию, нередко удивлявшую окружающих своим упрямством. Что же до ее необычных вкусов в одежде... Что ж, здесь всем давным-давно было известно: не всяк монах, на ком клубок.

Михаил всегда поддерживал Софию, поскольку с самого начала угадал в ней кандидатку в элиту, хотя очень старался, чтобы сама она не догадалась об этом. Его взгляды никто не осмеливался оспаривать, его дружно признавали непоколебимым авторитетом, уважая за мудрость и преданность. С незапамятных времен Михаил был вторым лицом в Агентстве, правой рукой главного, которого здесь, наверху, величали Господином.

Сейчас Михаил остановился перед Софией с папкой под мышкой. Она вскочила и обняла его:

– Я страшно рада тебя видеть! Это ты меня вызвал?

– Да. То есть не совсем... Подожди здесь, – сказал Михаил. – Сейчас я за тобой вернусь. У него был не свойственный ему напряженный вид.

– Что происходит?

– Не сейчас, позже объясню. Сделай милость, вынь изо рта эту конфету, прежде чем...

Секретарша не дала ему закончить фразу: его ждали. Он заторопился дальше по коридору. Оглянувшись на ходу, ободрил Софию взглядом. Из большого кабинета до него уже доносились обрывки оживленного разговора:

– Нет, только не в Париже! Там вечно бастуют, там тебе было бы куда проще: что ни день – демонстрация! Не настаивай... Столько это длится, а они ни разу не остановились, чтобы сделать нам приятное!

Воспользовавшись краткой паузой, Михаил поднял руку, чтобы постучать в дверь, но рука замерла в воздухе, когда голос Господина произнес еще громче:

– Азия и Африка тоже не годятся!

Михаил согнул указательный палец, чтобы постучать, но его рука опять застыла в нескольких сантиметрах от двери, потому что голос в кабинете громко произнес:

– Никакого Техаса! Ты бы еще Алабаму предложил!

Третья попытка Михаила постучаться оказалась такой же неудачной, хотя голос в кабинете стал тише.

– А может, прямо здесь, как ты думаешь? Не такая уж плохая мысль... Не придется зря колесить по свету, к тому же мы давно оспариваем друг у друга эту территорию. Предлагаю Сан-Франциско!

Тишина означала, что настал подходящий момент. София проводила Михаила, исчезающего за дверью кабинета, робкой улыбкой. Когда дверь за ним закрылась, София повернулась к секретарше:

– Кажется, он взволнован?

– Да, с самого начала западного дня, – последовал уклончивый ответ.

– Из-за чего?

– Я многое здесь слышу, но в тайны Господина все-таки не посвящена. К тому же вы знаете правила: мне ничего нельзя рассказывать, если я дорожу своим местом.

Секретарше стоило больших усилий промолчать целую минуту, потом она не выдержала:

– Строго по секрету, только между нами: будьте уверены, не одному ему приходится несладко. Рафаил и Гавриил провозились всю западную ночь, Михаил присоединился к ним с наступлением восточных сумерек. Похоже, дело дьявольски серьезное.

Софию забавлял чудной лексикон Агентства. Не странно ли отсчитывать здесь время в часах, когда в каждом часовом поясе на земном шаре свое время? Когда она впервые иронически отозвалась об этом, ее крестный и поручитель объяснил, что принятые здесь специфические выражения и другие особенности обусловлены всемирным размахом их деятельности и языковыми различиями персонала. Запрещалось, к примеру, обозначать тайных агентов цифрами. Когда-то Господин сам выбрал людей для своего ближайшего окружения и дал им имена, что и вошло в традицию... Свод простейших правил, очень далеких от принятых на земле представлений, способствовал координации деятельности и иерархическому устройству *CIA*. Ангелов всегда различали по именам.

...ибо так принято было с начала времен в доме Господнем, называемом также *CIA* – «Координационным центром ангелов».

Господин расхаживал по кабинету с озабоченным видом, заложив руки за спину. Иногда Он останавливался и смотрел в большое окно. Густые облака внизу полностью скрывали землю. За необъятным оконным проемом раскинулась бескрайняя синева. Он раздраженно покосился на длинный стол для переговоров, протянувшийся через весь кабинет и упиравшийся в дальнюю стену. Повернувшись к столу, Господин толкнул локтем стопку папок. Все его движения выдавали плохо сдерживаемое раздражение.

– Старье! Пыль и тлен! Хочешь, скажу, что Я об этом думаю? Все эти кандидатуры – одно старичье! Как тут можно надеяться на выигрыш?

Михаил, все еще стоявший у двери, сделал несколько шагов вперед.

– Это все агенты, выбранные Вашим Советом...

– Вот именно, Моим Советом! Полное отсутствие идей! Мой Совет только и делает, что бормочет одни и те же притчи, потому что устарел! В молодости они были полны идей по усовершенствованию мира, а теперь готовы опустить руки!

– Их достоинства остаются прежними, Господин.

– Не отрицаю. Но посмотри, каков результат!

Он повысил голос, отчего стены заходили ходуном. Больше всего на свете Михаил опасался вспышек Господнего гнева. Случались они чрезвычайно редко, зато последствия бывали разрушительными. Чтобы угадать Его нынешнее настроение, достаточно было взглянуть на погоду за окном.

– Разве последние решения Совета способствуют прогрессу человечества? – продолжал Господин. – Не вижу, чему тут радоваться. Скоро нельзя будет повлиять даже на пустяковый взмах крыла бабочки. Между прочим, ни Мне, ни ему. – Он указал на дальнюю стену кабинета. – Если бы почтенные члены Моего собрания научились идти в ногу со временем, Мне не пришлось бы принять этот абсурдный вызов. Но пари уже заключено, значит, нам требуется что-то новенькое, оригинальное, яркое. Творческая изобретательность – вот что нам необходимо! Завязывается новая кампания, и в ней решится судьба этого Дома, черт возьми!

Из-за дальней стены кабинета в ответ на эти слова раздался тройной стук. Господин бросил туда раздраженный взгляд, уселся у края стола и с хитрым видом поманил Михаила:

– Покажи, что ты прячешь под мышкой!

Верный помощник смущенно приблизился и положил перед Ним картонную папку. Господин открыл ее и стал изучать содержимое. От первых же листов взгляд Его загорелся, лоб наморщился, выдавая растущий интерес. Досье завершалось подборкой фотографий.

Блондинка, гуляющая по аллее старого кладбища в Праге, брюнетка, бегущая по набережной в Санкт-Петербурге, рыжеволосая женщина у подножия Эйфелевой башни, короткая стрижка в Рабате, длинные волосы, растрепанные ветром в Риме, кудрявые – на площади Европы в Мадриде, янтарные – на кривой улочке в Танжере... Она везде выглядела пленительной. И анфас, и в профиль – ангельский лик. Господин вопросительно указал на единственное фото, на котором у Софии оголилось плечико: Его внимание привлекла одна мелкая деталь.

– Это всего лишь рисунок, – поспешил с объяснением Михаил, скрещая за спиной пальцы. – Так, пустяковые крылышки, кокетство, татуировка... Может, чересчур современно? Ничего, это можно стереть, удалить!

– Я отлично вижу, что это такое – крылышки! – проворчал Господин. – Где она? Когда Я могу ее увидеть?

– Она ждет в приемной.

– Пусть войдет!

Михаил вышел из кабинета и позвал Софию. Он успел дать ей несколько напутствий: предстоит встреча с Господином, такое исключительное событие, что лично он на ее месте струхнул бы. На протяжении всей беседы ей необходимо строго себя контролировать и молча слушать. Отвечать, только если Господин, задав вопрос, сам на него не ответит. В глаза не смотреть! Набрав в легкие побольше воздуха, Михаил продолжил:

– Завяжи волосы на затылке, выпрямись. Еще одно: если придется говорить, завершай каждую фразу словом «Господин». – Михаил внимательно посмотрел на Софию и улыбнулся: – А теперь забудь все, что я тебе наговорил. Будь собой! В конце концов, Он предпочитает именно это. Недаром я предложил твою кандидатуру, и, конечно, Он недаром тебя выбрал! У меня больше нет сил, такая нервотрепка не для моих лет.

– Выбрал для чего?

– Сейчас узнаешь. Иди. Сделай глубокий вдох – и вперед! Настал твой великий день. Да выплюни ты наконец свою жвачку!

София не удержалась и присела в реверансе.

Точенные черты, красивые руки, величественная осанка, громовой голос – Бог показался ей еще величественнее, чем она себе представляла. Она спрятала шарик жевательной резинки под язык, чувствуя, как по спине пробежал холодок. Господин предложил ей сесть. Крестный

(Он знал, что она так называет Михаила) представил ее как одного из самых одаренных агентов их Державы, поэтому Он намерен доверить ей самое ответственное задание за все время существования Агентства. Он взглянул на нее, она тут же опустила голову.

– Михаил вручит вам документы и передаст инструкции, необходимые для успешного проведения операции, ответственность за которую возлагается на вас одну...

Права на ошибку у нее нет, время операции ограничено... В ее распоряжении семь дней.

– ...Докажите, что у вас есть воображение и таланты. У вас их множество, Я знаю. От вас требуется величайшее благоразумие и осторожность. Мне известно, насколько вы энергичны.

Он начал инструктаж сам, ибо никогда еще Агентство не предпринимало столь рискованных операций. Он даже признался, что уже не понимает, как Его угораздило ввязаться в это дело, принять этот небывалый вызов.

– Хотя нет, кажется, понимаю! – поправился Он.

Ставки до того высоки, что ей надлежит поддерживать связь только с Михаилом, а в случае крайней необходимости или если тот будет недоступен – с Ним Самим. То, что ей откроет сейчас Господин, нельзя повторять за пределами этих стен. Он выдвинул ящик и показал ей составленный от руки документ, скрепленный двумя подписями. Документ содержал условия предстоящей ей невероятной миссии:

«Две Силы, властвующие над миром, не прекращают враждовать с начала времен. Признавая, что обеим не удастся влиять по своей воле на судьбы человечества, каждая сторона объясняет это тем, что другая не дает ей воплотить свои представления о мире...»

Когда София дочитала до этого места, Господин пояснил:

– С того дня, когда яблоко встало ему поперек горла, Люцифер противится тому, чтобы Я доверил Землю человеку. Он постоянно тщится доказать Мне, что Мое творение этого недостойно.

Он жестом повелел Софии читать дальше.

«...Любой анализ политической, экономической и климатической обстановки заканчивается выводом, что Земле грозит ад».

Михаил растолковал ей, что Совет отверг это преждевременное заключение Люцифера, объясняя создавшееся положение их непрекращающейся враждой, препятствующей проявлению истинной человеческой природы. Делать окончательный вывод рано, пока что ясно одно: дела в мире не слишком благополучны.

София читала дальше:

«Оба решительно расходятся в своих представлениях о человечестве. После бесконечных споров мы согласились, что наступление третьего тысячелетия – начало новой эры, в которой будет покончено с нашим антагонизмом. На севере и на юге, на западе и на востоке наступило время заменить наше враждебное сосуществование более эффективным принципом...»

– Так больше не могло продолжаться, – объяснил Господин. София завороченным взглядом следила за медленными жестами, которыми Он сопровождал Свои слова. – Двадцатый век был слишком тяжелым. Если так пойдет и дальше, мы оба окончательно утратим контроль над происходящим. Это нестерпимо, мы обязаны заботиться о своем престиже. Земля во Вселенной не одна, на Меня все смотрят. Святые места исполнены вопросами, но люди находят там все меньше ответов...

Михаил от смущения уставился в потолок и кашлянул. Господин позволил Софии прочесть главное:

«Чтобы определить, кому будет принадлежать право властвовать на Земле в следующем тысячелетии, мы вступаем в последний поединок. Условия его таковы.

На семь дней мы посылаем к людям того или ту, кого считаем лучшим (лучшей) из наших помощников. В зависимости от того, к чему удастся склонить человечество – к добру или ко

злу, победу одержит один из двух лагерей, после чего они сольются воедино. Право властвовать в новом мире будет принадлежать победителю».

Рукописный документ завершали две подписи: Бога и дьявола.

София медленно подняла голову. Ей хотелось еще раз прочесть все сначала, чтобы понять, что стало причиной страшного решения, которое она держала в руках.

– Нелепое пари... – проговорил Господин, словно оправдываясь. – Но что сделано, то сделано.

Она не отдавала пергамент. Он прочел удивление в ее взгляде.

– Считаю это дополнением к Моему последнему завету. Я тоже старею. Впервые я чувствую нетерпение и потому тороплю время. – Глядя в окно, Он добавил: – Я не забываю, что оно сочтено... Так было всегда, и это Моя первая уступка.

Михаил жестом показал Софии, что пора встать и уйти. Она тут же подчинилась. Но у двери не удержалась и обернулась:

– Господин!

Михаил затаил дыхание. Бог оглянулся на зов, и София просияла.

– Спасибо, – произнесла она. Бог улыбнулся ей.

– Семь дней ради вечности... Я на тебя рассчитываю.

Он проводил ее взглядом. Михаил задохнулся, услышав Божественный зов. Он отпустил Софию и вернулся в кабинет. Господин прищурился:

– Кусочек резины, который она прилепила под крышкой Моего стола, пахнет клубникой, да?

– Да, это клубничный аромат, – подтвердил Михаил.

– И последнее: когда она справится с заданием, Я буду тебе признателен, если ты уговоришь ее избавиться от рисунка на плече, пока все на свете не стали щеголять таким же. От моды никуда не денешься!

– Разумеется, Господин.

– И еще вопрос: как ты мог знать, что Я выберу ее?

– Не зря же я более двух тысяч лет рядом с Вами работаю, Господин!

Михаил затворил за собой дверь. Оставшись один, Господин сел в торце длинного стола и устремил взгляд на стену напротив. Откашлявшись, Он объявил громко и четко:

– Мы готовы!

– Мы тоже! – насмешливо отозвался голос Люцифера.

София ждала в небольшом зале. Михаил, войдя, подошел к окну. Небо под ними прояснилось, из облачного слоя уже выступали верхушки холмов.

– Быстрее, нельзя терять времени! Я должен тебя подготовить.

Они сели за круглый столик в нише. София призналась, что очень волнуется.

– С чего начинать, выполняя задание, крестный?

– У тебя есть фора, София. Взглянем в лицо фактам: зло стало всеобщим и почти таким же невидимым, как мы. Ты играешь в обороне, твой противник наступает. Сначала тебе придется определить, какими силами он располагает. Найди место, где он попытается действовать. Позволь ему сделать первый ход – и из всех сил воспротивись его атаке. Только нейтрализовав его, ты сумеешь осуществить крупный замысел. Единственным твоим козырем будет знание местности. Они выбрали Сан-Франциско театром боевых действий по чистейшей случайности!

Раскачиваясь на стуле, Лукас ознакомился с тем же самым документом. Президент не отводил от него пристального взгляда. На окнах были тяжелые шторы, но Люцифер оставался

в темных очках. Все его приближенные знали, что малейший свет раздражает его глаза, обожженные когда-то ярчайшей вспышкой.

Окруженный членами кабинета, занявшими места за длинным столом, доходившим до стенки, которая отделяла огромный зал от соседнего помещения, Президент объявил Совету, что заседание окончено. Присутствующие потянулись за министром связи Блезом к единственной двери. Президент, сидя, махнул рукой, подзывая Лукаса, потом велел ему нагнуться и что-то прошептал ему на ухо так, чтобы больше никто не слышал. Когда Лукас вышел из кабинета, его встретил Блез, чтобы проводить к лифту.

По пути он вручил ему несколько паспортов, валюту, большую связку ключей к автомобильным замкам зажигания, потом помахал у него перед носом кредитной карточкой платинового цвета.

– Аккуратнее с расходами, не роскошествуйте!

Лукас раздраженно схватил пластиковый четырехугольник и отказался пожать самую потную во всей организации руку. Привыкший брезгливо относиться к окружающим, Блез вытер ладони о свой зад и пристыженно спрятал руки в карманы. Притворство было одним из главных качеств того, кто, не обладая необходимой компетентностью, достиг высокого поста с помощью коварства и лицемерия, сопутствующих неумному карьеризму. Блез поздравил Лукаса, солгав, что употребил весь свой вес, чтобы утвердили его кандидатуру (судя по выражению его лица, ему никак нельзя было верить). Лукас не собирался к нему прислушиваться: он считал Блеза полной бездарностью, которому доверили ответственность за внутреннюю связь исключительно из родственных соображений.

Обещая регулярно докладывать Блезу о ходе операции, Лукас даже не удосужился скрестить пальцы. В организации, где он служил, обман был самым надежным средством, которым пользовалось начальство, желавшее упрочить свою власть. Чтобы понравиться Президенту, все вралі напропалую: друг другу, Ему, даже самим себе. Министр связи попросил Лукаса открыть ему то, что Президент сообщил ему на ухо. Лукас вместо ответа окинул его презрительным взглядом и зашагал прочь.

София поцеловала наставнику руку и пообещала, что не разочарует его. Она спросила, можно ли доверить ему одну тайну, и он кивнул в знак согласия. Поколебавшись, она поделилась с ним наблюдением: у Господина волшебные глаза, никогда она не видела такой синевы.

– Иногда они меняют цвет, но тебе запрещается кому-либо рассказывать, что ты в них увидела.

Она пообещала и прошла в коридор. Он проводил ее до лифта. Прежде чем закрылись двери, Михаил заговорщическим голосом прошептал:

– Он сказал, что ты – прелесть.

София покраснела, Михаил сделал вид, будто ничего не заметил.

– Для них этот вызов, наверное, еще одна возможность навредить и нагадить, а для нас – вопрос выживания. Мы все на тебя рассчитываем.

Спустя несколько минут она уже была в главном вестибюле. Петр посмотрел на дисплей системы наблюдения, путь был свободен. Дверь снова въехала в фасад, и София оказалась на улице.

Лукас вышел из башни одновременно с ней, но с противоположной стороны. В дальнем углу неба, над холмами Тибарон, полыхнула последняя вспышка. Лукас подождал такси. Желтый автомобиль затормозил, он влез в него и захлопнул дверцу.

София подбежала к своей машине у противоположного тротуара. Сотрудница дорожной службы выписывала ей протокол о нарушении правил парковки.

– Добрый день! Как поживаете? – обратилась София к женщине в форме.

Контролер медленно обернулась, подозревая, что над ней насмеются.

– Мы знакомы? – спросила контролер Джонс, рассеянно покусывая ручку и разглядывая Софию, потом оторвала корешок квитанции.

– Не думаю.

– А вы как поживаете? – С этими словами она засунула под «дворник» заполненный протокол.

– У вас случайно не найдется клубничной жвачки? – спросила София, забирая бумагу с ветрового стекла.

– Нет, у меня мятная.

София вежливо отказалась от предложенной пластинки и открыла дверцу.

– Вы что, не будете возражать против протокола?

– Нет-нет!

– Между прочим, с начала года водителям правительственных машин приходится платить штрафы из собственного кармана.

– Да, кажется, я где-то об этом читала, – сказала София. – Это нормально.

– В школе вы, наверное, всегда сидели за первой партой? – задала контролер Джонс следующий вопрос.

– Если честно, не помню... Хотя что-то такое сейчас припоминаю: кажется, где хотела, там и садилась.

– Вы уверены, что у вас все в порядке?

– Сегодня вечером будет великолепный закат, не пропустите! Постарайтесь полюбоваться им вместе с семьей, самый потрясающий вид – из парка Президио. А я вас оставляю, меня ждет большая работа. – С этими словами София села в машину.

Когда «форд» отъехал, контролер почувствовала пробежавший по спине холодок. Она положила ручку в карман и достала мобильный телефон.

На автоответчике мужа она оставила длинное сообщение: не может ли он заступить на дежурство на полчаса позже. Сама она постарается вернуться раньше обычного, чтобы прогуляться на закате вдвоем в парке Президио. Он не пожалеет, ее заверила в этом не кто-нибудь, а агент *CIA*! Она добавила, что любит его, но с тех пор, как они работают в разные смены, никак не улучшит момент признаться, как сильно по нему скучает. Через несколько часов, покупая провизию для импровизированного пикника, она непроизвольно положила в тележку не мятную, а клубничную жевательную резинку.

Застрыв в пробке в финансовом квартале, Лукас листал страницы туристического путеводителя. Что бы ни думал Блез, важность его задания оправдывала дополнительные расходы, поэтому он велел водителю высадить его в Ноб-Хилл. Ему подошли бы апартаменты в «Фермонте», знаменитом на весь город отеле-дворце. Машина свернула на Калифорния-стрит перед собором Божьей Милости и заехала под монументальный козырек отеля, где была расстелена

ковровая дорожка из красного бархата с золотыми кистями. Носильщик потянулся за чемоданчиком Лукаса, но тот отпугнул его свирепым взглядом. Не поблагодарив портье, пропустившего его через вращающуюся дверь, Лукас направился прямо к стойке администратора. Номер для него заказан не был, о чем ему сообщила молодая служащая, за что тут же получила громкую отповедь и была названа бестолочью. К гостю молниеносно подлетел дежурный администратор, угодливо протянувший «особо требовательному клиенту» магнитный ключ и рассыпавшийся в извинениях. Отель выразил его устами надежду, что в номере повышенной категории «эксклюзивный сыут» клиент немедленно забудет о легком раздражении, вызванном у него некомпетентностью служащей. Лукас бесцеремонно схватил карточку и потребовал не тревожить его ни по какому поводу. Изобразив, будто он вкладывает купюру в ладонь администратора, верно, такую же потную, как у Блеза, он торопливо зашагал к лифту. Дежурный администратор отвернулся с пустыми руками и с недовольным видом. Лифтер вежливо осведомился у сияющего пассажира, хорошо ли тот провел день.

– Тебе какое дело? – фыркнул Лукас, выходя из кабины лифта.

София поставила машину у тротуара и поднялась по ступенькам на крыльцо викторианского домика на склоне Пасифик-Хейтс. На пороге ее встретила хозяйка квартиры.

– Вернулась из поездки? Я рада! – сказала мисс Шеридан.

– Я уехала только сегодня утром!

– Неужели? А мне показалось, что вчера вечером тебя тоже не было. Знаю-знаю, я опять вмешиваюсь не в свое дело, просто мне не нравится, когда в доме пусто.

– Я вернулась поздно, вы уже спали. Работы навалилось больше обычного.

– Ты слишком много работаешь! В твоём возрасте да ещё при такой внешности надо проводить вечера с кавалером.

– Мне нужно переодеться, я поднимусь к себе, но перед уходом обязательно к вам загляну, Рен, обещаю!

Перед красотой Рен Шеридан время было бессильно. У нее был пленительно нежный голос, лучистый взгляд свидетельствовал о богатом прошлом, о котором она хранила лишь светлые воспоминания. Одна из первых знаменитых женщин-репортеров, она объездила весь мир. Стены ее овальной гостиной были увешаны пожелтевшими фотографиями, лицами из прошлого, встреченными ею в бесчисленных разъездах. В отличие от коллег, стремившихся запечатлеть лишь исключительное, Рен выхватывала объективом обыденность, умея и в ней разглядеть красоту.

Когда усталость не позволяла ей отправиться в очередную командировку, она довольствовалась родовым гнездышком на Пасифик-Хейтс. Здесь она родилась, отсюда ушла 2 февраля 1936 года, в день своего двадцатилетия, чтобы уплыть в Европу. Сюда она потом вернулась, чтобы насладиться единственной своей любовью, слишком коротким отрезком счастья.

С тех пор Рен жила в большом доме одна, пока, заскучав, не поместила объявление в «Сан-Франциско кроникл». «Я – ваша новая квартирантка», – заявила улыбающаяся София, явившись к ней в то же утро, когда вышел номер газеты с объявлением. Ее решительный тон покорила Рен, и квартирантка переехала к ней в тот же вечер. За несколько недель она совершенно изменила жизнь хозяйки, и та теперь признавалась, что, к счастью, ее одиночество кончилось. София с удовольствием проводила вечера вместе с нею. Когда она возвращалась не слишком поздно, мисс Шеридан оставляла в прихожей свет, словно приглашавший в гости. Проверая, все ли в порядке, София заглядывала к ней. На ковре всегда лежал раскрытый альбом с фотографиями, в серебряной чаше, напоминавшей об Африке, лежали галеты. Сама Рен сидела в кресле, лицом к оливковому дереву, украшавшему атриум. София входила, садилась

на пол и начинала переворачивать страницы альбомов в старых кожаных переплетах, заполнявших книжные шкафы. Не отрывая взгляда от дерева, Рен комментировала одну иллюстрацию за другой.

Сейчас София поднялась к себе на второй этаж, отперла дверь, толкнула ее и бросила на столик ключ. Еще у входа она оставила куртку, в маленькой гостиной – блузку, в спальне – брюки. В ванной она отвернула душевые краны до отказа, так, что взвыли трубы. Щелчок пальцем по рассекателю – и ей на голову хлынула вода. Через оконце видно было море крыш, тянувшееся до самого порта. Колокола собора Божьей Милости пробили семь часов вечера.

– Уже так поздно?!

Она покинула альков с запахом эвкалипта и вернулась в спальню. Открыв платяной шкаф, заколебалась между майкой без рукавов с глубоким вырезом и мужской рубашкой, которая была ей велика, между хлопковыми брючками и старыми джинсами. Выбор пал на джинсы и рубашку, у которой пришлось закатать рукава. Она повесила на пояс пейджер, надела полукеды и запрыгала к двери, чтобы расправить задники, не нагибаясь. Взяла связку ключей, решила не закрывать окна и спустилась по лестнице вниз.

– Сегодня я вернусь поздно. Увидимся завтра. Если вам что-нибудь понадобится, звоните мне на пейджер, хорошо?

Мисс Шеридан повторила привычную тираду: «Ты слишком много работаешь, дитя мое, жизнь-то у нас одна...»

Что верно, то верно: София неустанно трудилась ради других, без перерывов на обед, иной раз даже не успевая утолить жажду – ведь ангелам нет нужды подкрепляться. При всей ее чуткости заботливой Рен не дано было постичь, что имеет в виду София, говоря о своей «жизни».

Тяжелые колокола только что пробили в седьмой, последний, раз. Окна апартаментов Лукаса выходили прямо на собор Божьей Милости, расположенный в верхней точке Ноб-Хилл. Лукас с наслаждением обсосал куриную косточку, разгрыз напоследок хрящик и встал, чтобы вытереть руки о занавеску. Он надел пиджак, полюбовался своим отражением в большом зеркале над камином и вышел из номера. Спускаясь по массивной лестнице в холл, он насмешливо улыбался администраторше за стойкой, та, увидев его, сразу опустила глаза. Рассыльный под козырьком мигом обеспечил постояльцу такси, и тот уселся, не дав ему чаевых. Ему хотелось прокатиться в новом красивом автомобиле, а единственное место, где таковой можно найти в воскресенье, – торговый порт. Здесь с судов разгружали несчетное количество машин всевозможных моделей. Он распорядился отвезти его на пристань № 80, откуда он может угнать тачку в своем вкусе.

– И побыстрее, я тороплюсь! – бросил он водителю.

«Крайслер» вырулил на Калифорния-стрит и устремился к центру города. Деловой квартал они миновали за какие-то семь минут. На каждом перекрестке водитель, брзюжа, откладывал свой бортовой журнал: светофоры, словно сговорившись, встречали их зеленым светом, и ему никак не удавалось записать пункт назначения, как предписывали правила.

– Можно подумать, они это нарочно... – пробормотал он на шестом перекрестке. В зеркале заднего вида он увидел ухмылку Лукаса, и их без заминки пропустил дальше седьмой светофор.

У въезда в портовую зону из решетки радиатора повалил густой пар, машина чихнула и остановилась у обочины.

– Только этого не хватало! – простонал таксист.

– Я вам не заплачу, – выпалил Лукас. – Мы не доехали до места.

И он вышел, не удосужившись закрыть за собой дверцу. Не успел таксист и пальцем пошевелить, как капот его машины подбросило кверху гейзером ржавой воды из радиатора.

– Сорвало головку блока, двигатель можно выбрасывать, милейший! – крикнул Лукас, удаляясь.

У будки охранника он предъявил значок, и полосатый шлагбаум поднялся. Уверенным шагом он дошел до стоянки. Там присмотрел для себя великолепный кабриолет «Шевроле-Камаро» и без труда сломал замок на дверце. Сев за руль, Лукас выбрал из связки на ремне нужный ключ и через несколько секунд тронулся с места. Промчавшись по главному проезду, он не пропустил ни единой лужи в выбоинах и забрызгал грязью все контейнеры по обеим сторонам, так что невозможно было прочесть их номера.

Перед «Рыбацкой закуской» он резко дернул ручной тормоз, и машина с визгом остановилась в нескольких сантиметрах от дверей. Лукас вышел, насвистывая, преодолел три деревянные ступеньки крыльца и толкнул дверь.

Зал был почти пуст. Обычно рабочие заглядывали сюда после долгого рабочего дня, чтобы утолить жажду, но сейчас из-за долгой непогоды с утра наверстывали потерянное время. Вечером они закончат позже обычного и передадут ревущие механизмы непосредственно ночной смене.

Лукас уселся за столик в отгороженном углу и стал глазеть на Матильду, вытиравшую за стойкой рюмки. Та, встревоженная его непонятной улыбкой, поспешила к нему, чтобы принять заказ. Клиент не испытывал жажды.

– Не хотите ли перекусить? – предложила она.

Только с ней за компанию! Матильда любезно отклонила приглашение, ей запрещалось присаживаться в зале в рабочие часы. Лукасу некуда было спешить, он не был голоден и пригласил ее навеститься с ним в какое-нибудь другое местечко: это уж больно заурядное.

Матильда смутилась; обаяние Лукаса не осталось незамеченным. В этой части города, как и в ее жизни, изящество было редкостью. Не выдержав взгляда его полупрозрачных глаз, она отвернулась.

– Очень мило с вашей стороны... – пролепетала она.

В эту минуту снаружи донеслись два коротких гудка.

– Только я не могу, – ответила она Лукасу, – у меня вечером ужин с подругой. Это она сигналит. Может, как-нибудь в другой раз?

София вбежала запыхавшаяся и направилась к бару, где Матильда, вернувшись на свое рабочее место, изображала невозмутимость.

– Извини, я задержалась, но у меня выдался сумасшедший день. – С этими словами София уселась на табурет у стойки.

Ввалилось человек десять работяг из ночной смены, досадная помеха для Лукаса. Один из докеров задержался рядом с Софией, которая и без формы выглядела неотразимо. Она поблагодарила крановщика за комплимент и повернулась к Матильде, закатывая глаза. Симпатичная официантка наклонилась к подружке и посоветовала ей посмотреть незаметно на клиента в черном пиджаке, сидевшего в отгороженной части зала.

– Я видела... Успокойся!

– Так я тебя и послушалась! – огрызнулась шепотом Матильда.

– Матильда, последнее приключение чуть не стоило тебе жизни, так что теперь я, пожалуй, постараюсь уберечь тебя от новой беды.

– Не пойму, о чем ты...

– О том, что такие, как этот, – сущая напасть.

– А какой он?

– Слишком сумрачный взгляд.

– Быстро же ты стреляешь! Я даже не заметила, как ты зарядила револьвер.

– Потребовалось полгода, чтобы ты вылечилась от той дряни, которой тебя наградила бармен с О’Фаррел². Не хочешь наладить нормальную жизнь? У тебя есть работа, есть комната, ты уже семнадцать недель «чистая». Опять решила приняться за старое?

– Кровь у меня все равно нечистая!

– Дай мне еще немного времени и принимай лекарства.

– Он симпатичный, вот и все.

– Прямо как крокодил, нацелившийся на филейную часть!

– Ты его знаешь?

– В жизни не видела!

– Тогда почему такие поспешные суждения?

– Поверь мне, у меня дар, я вижу их насквозь.

Услышав низкий голос Лукаса, София чуть не подскочила, у нее похолодел затылок.

– Раз вы собираетесь провести вечер со своей очаровательной подругой, то будьте великодушны, примите приглашение в один из лучших ресторанов города. В моем кабриолете мы легко поместимся втроем.

– Вы очень догадливы, София – само великодушие! – подхватила Матильда, надеясь, что подруга пойдет ей навстречу.

София оглянулась, желая поблагодарить незнакомца и ответить ему отказом, но, увидев его глаза, онемела. Они долго смотрели друг на друга, не в силах ничего друг другу сказать. Лукас был бы рад прервать молчание, но не мог вымолвить ни слова, только безмолвно разглядывал волнующие черты незнакомки. У нее совершенно пересохло во рту, она не глядя, пыталась нащупать стакан на стойке, а он уже положил туда руку. Из-за их неловкости стакан опрокинулся; прокатившись по цинковому краю стойки, он упал на пол и разлетелся на семь осколков. София наклонилась и осторожно подобрала три стеклышка, Лукас встал на колени, чтобы ей помочь, и взял остальные четыре. Оба выпрямились, по-прежнему глядя друг на друга.

Матильда, переводившая взгляд с одного на другого, не выдержала и раздраженно бросила:

– Я подмету!

– Снимай фартук! Идем, мы и так опаздываем, – ответила София, наконец отвернувшись.

Она попрощалась с Лукасом коротким кивком и властно поволокла подругу на улицу. На стоянке она ускорила шаг. Открыв Матильде дверь, поспешно села за руль и рванула с места.

– Чего это тебя так разобрало? – недоуменно спросила Матильда.

– Ничего.

Матильда повернула зеркальце заднего вида в салоне так, чтобы София могла на себя взглянуть.

– Посмотри, на кого ты похожа, и объясни мне свое «ничего».

Машина мчалась по порту. София опустила стекло, в салон ворвался ледяной воздух, Матильда поежилась.

– Очень серьезный человек! – пробормотала София.

– Я все могу понять: большой, карлик, красавец, урод, тощий, толстяк, волосатый, безусый, лысый... Но что такое «серьезный», никак в толк не возьму.

– В таком случае просто поверь мне на слово. Сама не знаю, как это выразить... Унылый какой-то, измученный! Никогда еще мне не...

– В таком случае это идеальный кандидат для тебя, ты у нас обожаешь страдальцев. Бедный левый желудочек твоего сердечка!

– Не будь язвой!

² Улица злачных заведений в Сан-Франциско.

– Нет, вы только посмотрите! Мне интересно ее непредвзятое мнение о мужчине, от которого я вся обмираю. Она на него даже не смотрит, но все равно вонзает в него стрелу, которой позавидовал бы святой Себастьян! Потом оборачивается и впивается в него глазами сильнее, чем вантуз в сток раковины. И при этом требует, чтобы я не была язвой!

– Ты ничего не почувствовала, Матильда?

– Почему же, почувствовала, что вся пылаю! Как будто меня закутали в алый шифон от «Мейси»...³ В общем, я предстала перед ним в элегантном виде, это хороший знак.

– Ты не заметила, до чего у него сумрачный вид?

– Это на улице сумрачно. Зажги-ка фары, не хватает попасть в аварию! – Матильда затянула шнурок мехового капюшона и добавила: – Ладно, пиджачок на нем темноват, зато итальянского покроя, кашемир в шесть ниток, ты уж меня извини!

– Я не об этом...

– Хочешь, скажу тебе, что я имею в виду? Уверена, он не из тех, кто носит грубые трусы. Матильда зажгла сигарету. Опустив стекло со своей стороны, она выдохнула дым наружу.

– Все равно от чего умереть – почему бы не от пневмонии? В общем, твоя взяла: бывают трусы и трусы.

– Ты меня совершенно не слушаешь, – озабоченно проговорила София.

– Представь, что чувствует дочь Кальвина Кляйна, глядящая на имя своего папаша, вышитое большими буквами, когда перед ней раздевается мужчина?

– Ты видела его раньше? – невозмутимо осведомилась София.

– Может, и видела в баре Марио, но гарантировать не могу. В те времена по вечерам у меня перед глазами чаще бывало мутновато...

– С этим покончено, все это позади, – сказала София.

– Ты веришь в ощущение «дежавю»?

– Может быть, а что?

– Там, в баре, когда у него выпал стакан... У меня было впечатление, что он падает, как в замедленной съемке.

– У тебя пустой желудок, свожу-ка я тебя в китайский ресторан, – решила София.

– Можно задать тебе последний вопрос?

– Конечно.

– Тебе никогда не бывает холодно?

– Почему ты спрашиваешь?

– Потому что мне недостает только палочки во рту, чтобы выглядеть как форменное эскимо. Немедленно закрой окно!

«Форд» приближался к бывшей шоколадной фабрике на Жирарделли-сквер. Выдержав несколько минут тишины, Матильда включила радио и уставилась на проносящийся мимо город. На пересечении Колумбус-авеню и Бей-стрит порт исчез из виду.

– Не могли бы вы приподнять руку, мне нужно вытереть прилавок!

Хозяин «Рыбачкой закуской» вывел Лукаса из оцепенения.

– Простите?..

– У вас под пальцами стекло, не дай бог, поранитесь.

– Не беспокойтесь за меня. Кто такая?

– Интересная женщина – здесь это редкость.

³ Сеть дорожных магазинов.

– За это мне и нравится ваш райончик, – сухо прокомментировал Лукас. – Вы не ответили на вопрос.

– Вас интересует барменша? Сожалею, но сведений о своих служащих я не сообщаю. Приходите снова и ее саму спросите, она заступает завтра в дежурство.

Лукас хлопнул ладонью по стойке, и кусочки стекла разбились на тысячи осколков. Владелец заведения отпрянул.

– Плевать я хотел на вашу барменшу! Вам знакома та женщина, которая ушла вместе с ней?

– Это ее приятельница, она работает в службе безопасности порта – вот все, что я могу вам сказать.

Лукас проворным движением схватил тряпку, висевшую у хозяина на ремне, и вытер свою ладонь, на которой, как ни странно, не оказалось ни царапины. После этого он бросил тряпку в мусорное ведро позади прилавка. Хозяин «Рыбацкой закуской» прищурился.

– Не беспокойся, старина, – сказал Лукас, глядя на свою невредимую руку. – Знаешь, некоторые ходят по углям, это такой же фокус. Мало ли на свете фокусов?

И он направился к выходу. На крыльце закуской он вынул крохотный осколок, вонзившийся между указательным и средним пальцем.

Подойдя к кабриолету, просунул внутрь голову и опустил рычаг ручного тормоза. Краденая машина медленно подъехала к краю пристани, немного покачалась и опрокинулась вниз. В тот миг, когда решетка радиатора коснулась воды, физиономия Лукаса озарилась бесхитростной детской улыбкой.

Когда через оставленное опущенным стекло в салон стала заливаться вода, он испытал ни с чем не сравнимую радость. Но больше всего его восхитили огромные пузыри, вырывающиеся из выхлопной трубы, пока продолжал работать двигатель. Бульканье, с которым они лопались на поверхности, было неотразимым.

Когда увлеченная толпа проводила удивленными взглядами задние фонари «камаро», исчезнувшие в мутных водах порта, Лукас был уже далеко, он бодро шагал, засунув руки в карманы.

– Кажется, я наткнулся на редкую жемчужину, – пробормотал он себе под нос на ходу. – Если я не выиграю, будет дьявольски досадно.

София и Матильда ужинали, сидя лицом к заливу, перед огромным окном, выходившим на Бич-стрит. «Наш лучший столик!» – уточнил узкоглазый метрдотель с улыбкой, выставляя напоказ торчащие зубы. Вид был великолепный. Слева горделиво высились охровые конструкции моста «Золотые Ворота», соперничавшего красотой со своим серебристым оклендским братом «Бэй-Бридж», всего на год старше его. Под защитой мола, ограждавшего их от порывов океанского ветра, медленно проплывали яхты под белыми парусами. Покрытые гравием дорожки разрезали на аккуратные квадраты протянувшуюся до самой воды зеленую лужайку. По ним прогуливались вечерние прохожие, наслаждавшиеся поздней осенью.

Официант поставил подругам на столик два фирменных коктейля и корзинку с креветками. «В подарок от заведения», – объяснил он и подал меню. Матильда спросила у Софии, часто ли та здесь бывает: цены показались ей чересчур высокими для скромной служащей. София ответила, что они – гости хозяина.

– Они провинились, а ты не стала составлять на них протокол?

– Нет, просто оказала им несколько месяцев назад небольшую услугу, ничего особенного, уверяю тебя! – искренне смутившись, ответила София.

– Эти твои «ничего особенного» мне все более подозрительны. Что за услуга?

Как-то вечером София встретила хозяина ресторана в доках. Он гулял по пристани, дожидаясь, пока таможня пропустит груз посуды из Китая.

Его печальный взгляд привлек внимание Софии, а когда он надолго наклонился, уставившись на грязную воду, она заподозрила худшее. Она подошла к нему, завязала разговор, и он в конце концов признался, что после сорока трех лет брака от него собралась уйти жена.

– Сколько лет жене? – спросила заинтригованная Матильда.

– Семьдесят два года!

– В семьдесят два года вздумала разводиться? – поразила Матильда, с трудом сдерживая смех.

– Если ты сорок три года слышишь его храп, трудно удержаться от мысли о разводе. Мечтаешь об этом каждую ночь!

– Ты помогла паре воссоединиться?

– Я его уговорила сделать операцию, пообещав, что она ничем ему не грозит. Мужчины – такие неженки!

– Думаешь, он бы действительно прыгнул в воду?

– Он уже бросил туда свое обручальное кольцо!

Матильда подняла глаза к потолку. Потолок в ресторане был внушительный, весь в витражах от Тиффани, поэтому зал походил на собор. София согласилась с ее суждением и подложила ей кусок курицы. Матильда подперла рукой щеку.

– История с храпом – правда?

София посмотрела на нее и не удержалась от улыбки:

– Нет!

– Ага! Что же мы тогда празднуем? – спросила Матильда, поднимая свой бокал.

София заговорила в самых общих чертах о повышении, которое получила утром. Нет, речь не о смене места работы и не о повышении зарплаты: не все ведь исчерпывается материальными соображениями! Если Матильда сделает над собой усилие и прекратит насмешничать, она, может быть, сумеет ей растолковать, что бывают задания, приносящие нечто неизмеримо большее, чем деньги или власть, – небывалые личные достижения. Власть над собой – во благо, а не во вред другим – может доставить огромное наслаждение.

– Да будет так! – подытожила Матильда со смехом.

– С тобой, старушка, мне еще придется повозиться! – с досадой промолвила София.

Матильда взяла бамбуковую бутылку саке, чтобы наполнить бокалы, – и тут лицо Софии резко исказилось. Она схватила подругу за руку и буквально вытащила ее из кресла.

– Бежим отсюда! К выходу! – завопила София.

Матильда окаменела. Из-за соседних столиков тоже удивленно глядели на женщину, отчаянно крутившую головой и кричавшую в страхе перед невидимой угрозой:

– Уходите все, быстрее отсюда, торопитесь, бегите!

Посетители неуверенно наблюдали за ней, подозревая, что перед ними разыгрывают нелепый фарс. Управляющий заведением подбежал к Софии, сложил руки в умоляющем жесте: он знает, что она ему друг, и просит перестать беспокоить уважаемых гостей его ресторана. София крепко схватила его за плечи и потребовала немедленно эвакуировать всех посетителей и персонал. Он должен ей доверять, счет идет на секунды! Лиу Чан не был особенно мудр, но инстинкт его никогда не подводил. Он дважды хлопнул в ладоши и произнес несколько слов на кантонском диалекте китайского языка. Знающие свое дело служащие тут же пришли в движение. Мужчины в белых ливреях отодвигали стулья, заставляя гостей вставать, и без промедления провожали их к трем выходам.

Лиу Чан остался стоять посреди стремительно пустеющего зала. София потянула его за руку, увлекая к выходу, но он уперся, глядя на Матильду, застывшую от страха на месте в нескольких метрах от него.

– Я выйду последним, – проговорил Лиу.

В эту минуту из кухни с криком выбежал последний из младших поваров.

Раздался чудовищный взрыв. Ударная волна, опустошая зал, сорвала с потолка монументальную люстру, и она тяжело рухнула на пол. Вся мебель, как насосом, вытянуло в широкий оконный проем, а разбитое вдребезги стекло уже усеяло улицу внизу. Тысячи красных, зеленых, синих кристалликов заплескались среди горы обломков на полу. Едкий серый дым, заполнивший обеденный зал, пополз тугими завитками вверх по стене дома.

За оглушительным грохотом последовала удушливая тишина. Лукас, остановивший внизу машину, угнанную часом раньше, поднял дверное стекло. Он страшно боялся пыли, к тому же все произошло не так, как предполагалось.

София отпихнула массивный буфет, потеряла ушибленные колени, перешагнула через опрокинутый сервировочный столик. Кругом царил хаос. Под остовом высокого светильника, смахивавшего на облетевшее поваленное дерево, лежал директор ресторана. Он прерывисто дышал. София бросилась к нему. Бедняга корчился от боли. Кровь, залившая ему легкие, при каждом вдохе все сильнее зажимала сердце. Издали уже доносились сирены пожарных машин, мчащихся по городским улицам к месту катастрофы.

София умоляла Лиу держаться.

– Вам цены нет, – прошептал старый китаец.

Она взяла его руку. Лиу стиснул ее пальцы, положил ее руку себе на грудь, свистящую, как проколотая камера. Даже закрываясь, его глаза умели прочесть правду. Он нашел в себе силы сказать шепотом, что благодаря Софии он спокоен, потому что знает, что его вечный сон не будет сопровождаться храпом. Он захихикал, закашлялся.

– Моим будущим соседям сильно повезло! Они тоже ваши должники.

Изо рта у него потекла кровь, красная струйка поползла по щеке, смешалась с красным ворсом ковра. Оцепенев, он улыбался:

– Кажется, вам надо заняться подругой, я не видел, чтобы она выбежала...

София оглянулась, но не увидела ни Матильды, ни других тел на полу.

– У двери, под посудным шкафом, – подсказал Лиу, снова закашлявшись.

София выпрямилась. Лиу, не выпуская ее руки, заглянул ей в глаза.

– Откуда вы знали?

София видела, как его золотистые глаза покидают жизнь.

– Через несколько мгновений вы это поймете.

Тут лицо Лиу озарила радостная улыбка, словно на него снизошел покой.

– Спасибо за доверие.

То были последние слова господина Чана. Его зрачки уменьшились до размера булавочного острия, веки смежились, щека легла на ладонь его последней посетительницы. София погладила его лоб.

– Простите за то, что не провожаю вас, – прошептала она, осторожно опуская неподвижную голову на пол.

После этого она встала, убрала с пути перевернутую тумбочку и подошла к рухнувшему шкафу. Усилие – и шкаф отодвинут, под ним обнаружилась бесчувственная Матильда с торчащей из бедра здоровенной вилкой, предназначенной для блюд из утки.

По полу скользнул луч пожарного фонаря, потом появился сам пожарник. Подойдя к двум женщинам, он первым делом достал из чехла на плече рацию и доложил, что обнаружил двух пострадавших.

– Одну! – поправила его София.

– Тем лучше, – проговорил мужчина в черном, осматривавший место взрыва, не ступая в груды обломков.

Бригадир пожарных пожал плечами:

– Видать, федеральный агент. Они теперь поспевают на взрывы раньше нас. – И пожарный прижал к лицу Матильды кислородную маску. Подошедшему подчиненному он сказал: – Перелом ноги, а может, и руки, потеря сознания. Вызови санитаров, пусть немедленно ее заберут. А этот? – Он ткнул пальцем в тело Чана.

– Слишком поздно, – заключил не сходявший с места мужчина в черном костюме.

София обнимала Матильду и старалась побороть горечь, стоявшую комом в горле.

– Это все из-за меня, не надо было сюда соваться...

Глядя сквозь выбитое окно на небо, она произнесла вполголоса, нижняя губа у нее дрожала:

– Не надо сейчас! У нее могло получиться, она встала на правильный путь. Мы ведь договорились подождать несколько месяцев, прежде чем что-то решить. Она дала слово!

Двое подоспевших санитаров удивленно переглянулись и спросили у Софии, как она себя чувствует. Она заверила их энергичным кивком, что с ней все в порядке. Они предложили ей глотнуть кислорода, она отказалась. Тогда они попросили ее отойти на несколько шагов, положили Матильду на носилки и понесли к выходу. София подошла к провалу во всю стену, оставшемуся от окна. Она не спускала глаз с носилок, пока их ставили в машину «скорой помощи». Вращая красно-желтой мигалкой, машина понеслась к Мемориальному госпиталю Сан-Франциско с включенной сиреной.

– Не казните, каждый может оказаться в плохом месте в плохую минуту, это судьба.

София вздрогнула. Она узнала низкий голос, не попад утешавший ее. Прищурившись, Лукас шел к ней.

– Что вы здесь делаете? – спросила она.

– Я думал, брандмейстер вам уже объяснил, – ответил он, поправляя галстук.

– Все указывает на заурядный взрыв газа на кухне или в худшем случае на криминальную разборку, так что господин федеральный агент может спокойно возвращаться туда, откуда явился, позволив работать обычным полицейским. Террористы не охотятся на утку с апельсинами.

Инспектор полиции говорил хриплым и неприветливым голосом.

– С кем имею честь? – спросил Лукас, маскируя недовольство насмешливым тоном.

– Инспектор Пильгес, полиция Сан-Франциско, – ответила за инспектора София.

– Рад, что на сей раз вы меня узнали, – сказал Пильгес, перестав обращать внимание на Лукаса. – Надеюсь, теперь вы мне объясните, что за фортель вы выкинули сегодня утром.

– Не будем вдаваться в подробности. Я пытаюсь защитить Матильду. Слухи распространяются быстрее, чем туман в порту.

– Я оказал вам доверие и разрешил ее освободить досрочно. Буду вам благодарен за взаимность. В полиции тоже имеют представление о такте! Глядя на малышку, нельзя удержаться от мысли, что ей лучше было бы отмотать весь срок.

– Забавное у вас представление о такте, инспектор! – бросил Лукас вместо прощания. Он бы хлопнул дверью, но двери не было: от внушительного двустворчатого изделия, заказанного в далекой Азии, остались одни обломки.

Прежде чем сесть в машину, Лукас крикнул Софии с улицы:

– Мне очень жаль вашу подружку!

Через несколько секунд его черный «шевроле» исчез за перекрестком.

София не могла дать инспектору никаких связных объяснений. Ужасное предчувствие – вот что заставило ее выгнать из ресторана посетителей. Пильгес счел эту версию легковесной – как-никак София спасла от гибели десятки людей! София ничего не могла добавить. Возможно, она бессознательно почувствовала запах газа. Пильгес проворчал в ответ, что в последние годы у него растет гора нераскрытых дел с общим мотивом – бессознательное.

– Сообщите мне о результатах расследования. Мне тоже нужно знать, что произошло.

Он позволил ей покинуть место взрыва. София побрела к своей машине. Ветровое стекло треснуло с обоих концов, весь кузов каштанового цвета был покрыт ровным слоем серой пыли. По пути к госпиталю она встретила несколько пожарных машин, торопившихся к месту трагедии. Она оставила «форд» на стоянке и заторопилась в приемное отделение. Санитарка сказала ей, что Матильду сейчас осматривают. София поблагодарила и уселась ждать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.